

Элли Ван Хаутен

Эпоха Соло

или

Всё Включено,
Кроме Любви.

Эпизод
Первый
Книга-Сериал

Элли Ван Хаутен

**Эпоха Соло или Всё Включено,
Кроме Любви. Эпизод Первый**

«Автор»

2026

Ван Хаутен Э.

Эпоха Соло или Всё Включено, Кроме Любви. Эпизод Первый /
Э. Ван Хаутен — «Автор», 2026

Эпоха Соло или Всё включено, Кроме Любви — это книга-сериал. Четыре подруги. Четыре истории. И один большой город. Кейт, Моника, Симона и Шейла встречаются каждый четверг в маленькой кофейне с красной дверью, чтобы обменяться новостями, вином и правдой, которую больше некому сказать. Кейт пишет книгу об эпохе одиночества и боится, что сама станет её главным подтверждением. Моника считает годы вместо цифр в отчётах, ожидая, когда партнёр наконец решится. Симона гордо называет себя королевой соло-максинга, но вечерами разговаривает не с людьми, а с искусственным интеллектом. Шейла верит в любовь сильнее, чем в собственный опыт, и снова обжигается. Каждый эпизод — отдельная история, но все четыре линии переплетаются в один большой сезон о том, каково любить, бояться и оставаться собой в городе, где легче найти доставку в три часа ночи, чем человека, который останется до утра. Книга-сериал, выходящая эпизодами — как жизнь, где каждый четверг что-то меняется. Эпизод первый

© Ван Хаутен Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Эпизод Первый	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Элли Ван Хаутен

Эпоха Соло или Всё Включено, Кроме Любви. Эпизод Первый

Эпизод Первый

Лондон встречает январь так, как встречает всё остальное — с холодной вежливостью человека, который не собирается извиняться за погоду. Дождь здесь не льёт, он присутствует. Как невидимый сосед, который никогда не уходит, но и не создаёт проблем, пока ты сама не откроешь дверь и непустишь его в разговор.

Я, Кейт, тридцать четыре года, стою на автобусной остановке на Аппер-стрит и смотрю, как капли собираются на рукаве моего единственного приличного пальто, и думаю о том, что если бы кто-то сейчас спросил меня, что я делаю со своей жизнью, честным ответом было бы: жду автобус и параллельно проверяю, не пришёл ли перевод за аренду студии.

Пришёл. Слава богу. Значит, ипотека за квартиру, в которой я на самом деле не живу — потому что живу в комнате поменьше, а студию сдаю, — будет оплачена ещё один месяц. Это называется «жить в притык», но по-английски это звучит благороднее: *living on the edge*. Как будто я скалолаз, а не тридцатичетырёхлетняя женщина, вычисляющая разницу между арендной платой и коммуналкой в приложении банка.

Через сорок минут я должна быть в «Красном свете» — нашей кофейне на углу, где уже три года по четвергам собираемся я, Моника, Симона и Шейла. Кофейня называется так не из-за квартала красных фонарей, а потому что хозяин, пожилой итальянец Марко, выкрасил дверь в ярко-алый цвет и заявляет всем, кто спрашивает, что это «цвет страсти к эспрессо». Мы в шутку называем его «светофором» — потому что именно здесь мы каждую неделю останавливаемся, чтобы понять, ехать дальше или нет.

I

Я прихожу первой, как всегда. Беру свой столик у окна — тот, что чуть шатается на одной ножке, и Марко подкладывает под неё сложенную салфетку каждое утро, зная, что я сяду именно туда.

— Кейт, любовь моя, — говорит он с акцентом, который за двадцать лет так и не смягчился, — тебе как обычно? Флэт уайт и грусть на вынос?

— Только флэт уайт, Марко. Грусть у меня своя, спасибо.

Он смеётся так, будто я сказала что-то невероятно остроумное, хотя я говорю это почти каждую неделю. Мужчины в моей жизни делятся на две категории: те, кто смеётся над моими шутками из вежливости, и Марко.

Пока жду девочек, открываю ноутбук. У меня есть документ, названный «Черновик — не открывать», в котором ровно три предложения, написанные полгода назад, и дальше — пустота, белая, немая, укоризненная. Я хочу написать книгу. Хотела всегда, с двадцати двух лет, когда закончила журфак и решила, что буду следующей великой хроникёршей современной жизни. Вместо этого я одиннадцать лет писала чужие тексты — сначала в глянце, потом копирайтером для стартапов, которые обещали изменить мир доставкой веганских снеков, а потом закрывались, не заплатив за последний месяц. Сейчас я формально «между проектами». Неформально — я боюсь.

Дверь звенит колокольчиком. Заходит Моника, в идеальном тёмно-синем пальто, с лицом человека, который весь день считал чужие деньги и ни секунды — свои эмоции.

— Не спрашивай, — говорит она, падая на стул напротив меня.

— Тогда не буду спрашивать про Тома.

— Именно про Тома я и не хочу, чтобы ты спрашивала.

Моника — финансовый аналитик в Сити, и по иронии она может за полторы минуты объяснить клиенту, почему его инвестиционный портфель нестабилен, но за год так и не смогла объяснить своему бойфренду, почему ей нужен ответ на простой вопрос: мы вообще куда-то движемся или нет.

— Ладно, — говорю я. — Тогда просто скажи: как дела у Тома.

Она бросает на меня взгляд, который на языке Моники означает «я тебя ненавижу, но ты права, мне нужно выговориться».

— У Тома всё прекрасно. У Тома повышение. У Тома новая идея — не покупать квартиру сейчас, потому что «рынок нестабилен», а подождать «более удачного момента». Знаешь, сколько раз я слышала про удачный момент за этот год? Три. Три удачных момента, которые он упустил, потому что был неудачным моментом внутри.

— Это стихи, Моника. Ты сейчас говорила стихами.

— Мне тридцать пять лет, Кейт. Я хочу ребёнка. Не через пять лет удачных моментов. Сейчас, пока это ещё физически осмысленно.

Она произносит это ровным голосом, каким обычно объясняет диверсификацию рисков, но я вижу, как дрожит её рука, когда она снимает перчатки.

Звенит колокольчик снова. Симона входит стремительно, как будто кофейня — это переговорная, а не место для отдыха. На ней спортивный костюм за цену, равную моей месячной аренде, в ушах беспроводные наушники, которые она не вынимает даже за столом, пока не видит, что мы уже здесь.

— Простите, — говорит она, садясь и наконец вытаскивая один наушник. — Была на созвоне с Сан-Франциско. У них там утро, у меня вечер, у моего мозга — полночь в никуда.

Симона работает в IT удалённо — что-то в разработке продукта для американской компании, зарплата в долларах, которая выглядит внушительно на фунтовом счету. Она — живая реклама «соло-максинга»: путешествует одна, ходит на йога-ретриты одна, недавно вернулась с Бали, где, по её словам, «наконец нашла тишину внутри себя». Мы все киваем, когда она это говорит, хотя знаем: тишина внутри неё каждый вечер заполняется голосом чат-бота, с которым она разговаривает часами, потому что, по её собственному признанию однажды в подпитии, «с ним не нужно притворяться, что тебе интересно про его маму».

— Как Бали? — спрашивает Моника.

— Прекрасно. Дорого. Одиноко в хорошем смысле, — Симона делает паузу. — Хотя знаете что, вчера я час обсуждала с Джаспером свои границы в отношениях.

— Джаспер — это новый мужчина? — спрашиваю я, чувствуя проблеск надежды за неё.

— Джаспер — это имя, которое я дала своему чат-боту.

Тишина за столом длится ровно столько, сколько нужно, чтобы Марко успел принести две чашки капучино, которые никто не заказывал, потому что он знает наш порядок наизусть.

— Ты дала имя приложению, — говорит Моника медленно.

— У всех есть свои методы совладания со стрессом, — отвечает Симона, защищаясь так резко, что становится ясно: это не шутка и не бравада. Это её реальность, и она о ней не хочет говорить дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.